

Голиков Леонид Михайлович

Кандидат филологических наук,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
(Вологда, Россия)
E-mail: LGolikov@mail.ru

Golikov Leonid Mikhailovich

PhD in Philology Sciences,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia
(Vologda, Russia)
E-mail: LGolikov@mail.ru

**ЖАНРОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ДЖИХАДИСТСКОГО ТЕКСТА**

**GENRE DEFINITION
OF JIHADIST TEXT**

Аннотация. В статье описывается джихадистский текст как жанровая форма, относящаяся к политико-религиозной (исламской) коммуникации, реализующая речевые действия призыва к террористической деятельности и оправдания терроризма. Подобная форма рассматривается в рамках прагматического подхода, позволяющего определять жанры как средства оформления социального взаимодействия, т.е. джихадистский текст воспринимается одним из способов формализации преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ. Выделяется и характеризуется ряд типологизирующих параметров экстралингвистического характера, объединяющих отдельные риторические жанры в составе джихадистского текста как гипержанра.

Abstract. The article describes jihadist text as a genre form, relating to political, religious (Islamic) communication, implements the speech of the call for terrorist activities and justification of terrorism. This form is considered in the framework of the pragmatic approach, allowing to define genres as a means of formalizing social interaction, i.e., jihadist text is perceived one way of formalizing a crime under article 205.2 of the Criminal code of the Russian Federation. A number of extralinguistic parameters typologisierung nature, integrating specific rhetorical genres in the composition of jihadist text as hypergenre are defined and characterized.

Ключевые слова: джихадистский текст, риторический жанр, оправдание терроризма, призыв к террористической деятельности

Keywords: jihadist text, rhetorical genre, a justification of terrorism, call for terrorist activities

Введение

Решение лингвистикой прикладных задач, связанных с регулированием конфликтов, основным инструментом реализации которых является речь, на современном этапе не может обойтись без изучения отдельных жанровых форм. Юрислингвистика как наука о «взаимоотношениях языка и закона» [7], изучая речевые действия или отдельные признаки текста, выделяет потенциально конфликтные жанровые образования. Например, речевой акт призыва к насильственным или враждебным действиям может реализовываться в таких формах, как призыв-лозунг, призыв-апелляция, призыв-обращение и призыв-воззвание [2, с. 422–432]; в свою очередь, негативная (деструктивная) оценочность, выступая признаком медиатекста [28], ложится в основу описания дискредитирующих речевых медиажанров [29], [30]. Подобная логика позволяет выделить в рамках политико-религиозной (исламской) коммуникации джихадистский текст как форму реализации речевых действий, составляющих объективную сторону статьи 205.2 УК РФ: призыв к террористической деятельности и оправдание терроризма [26].

Основная часть

Понятие «джихадистский текст» в данной статье рассматривается через призму прагматического подхода, который определяет жанр в качестве «средства формализации социального взаимодействия» [10], [11], [18]. То есть подобная речевая форма не воспринимается неким инвариантом или устойчивым речевым типом, выражающимся через триединство стилистических, композиционных и содержательных характеристик [3], а понимается как способ оформления однотипных социальных ситуаций, порождающих характеризующие признаки того или иного жанра, первичными из которых являются отражающие особенности социального и психологического взаимодействия: социальная обусловленность плана выражения и плана содержания, повторяемость интенций [6]; схожесть социальных реакций адресата [32]. В таком восприятии жанр соотносится с опирающимися на идею диалогичности текста [4, с. 310] понятием «дискурс»: «объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей» [19, с. 8]. Подобная дискурсно-жанровая модель членения коммуникативного пространства, предложенная К.Ф. Седовым, позволяет нам определить джихадистский текст как гипержанр или речевую форму, которая сопровождает социально-коммуникативную ситуацию, объединяющую в своем составе несколько жанров [18] политико-религиозного (исламского) дискурса.

Прагматическое описание жанра предполагает выделение набора конституирующих параметров экстралингвистического характера. Так, Т.В. Шмелева выделяет семь подобных жанрообразующих признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания, языковое воплощение [25]. Однако данный перечень представляется актуальным для первичных жанров устной коммуникации (по классификации М.М. Бахтина [3]). Джихадистский текст является вторичной речевой формой, преимущественно определяется книжным характером, что позволяет его воспринимать риторическим гипержанром, то есть формой, коммуникативная эффективность которой определяется сознательной речевой деятельностью автора [21].

Таким образом, джихадистский текст является комплексом риторических жанров (разной степени жанровой близости), которые типологизируются следующими набором экстралингвистически обусловленных параметров.

1. Идеологический тип.

Идеологический тип джихадистского текста характеризуется родовым понятием «война, ведущаяся мусульманами в защиту своей веры против иноверцев», выражаемым синонимичными терминами *джихад*, *фатх*, *газават* [12, с. 67], [5, с. 256], [23, с. 307].

Важно отметить, что наименование *джихад* является многозначным. Помимо военно-религиозного, он способен выражать содержание, связанное исключительно с религиозной деятельностью – духовное самосовершенствование. Дефиниция малого джихада – война, вооруженная борьба – обычно реализуется в случае, когда в тексте отсутствуют какие-либо уточнения [12, с. 67].

2. Интенциональная характеристика.

Согласно концепции А. Вежбицкой, речевые жанры моделирует последовательность «простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания» [6]. Авторские интенции джихадистского текста характеризуются побуждением участвовать в джихаде и убеждением в соответствии джихада определенной норме и/или полезности [8].

Подобная интенциональная характеристика указывает на то, что джихадистский текст является речевой формой, несущей персуазивное воздействие. И в этом случае

персуазивность является текстообразующим параметром [9, с. 125], а выделенные интенции – текстообразующими интенциями [27, с. 30].

3. Образ автора.

Данный признак имеет типизированную реализацию в образе муджахид (моджахеда). В джихадистских текстах наименование *муджахид* актуализирует следующее значение: мусульманин – участник вооруженного формирования, ведущего вооруженную борьбу с органами государственного управления, правительством. Данное значение определено нами в результате анализа статей в словарях современного русского языка: «В мусульманских странах: тот, кто участвует в социальных, национально-освободительных, религиозных движениях и войнах» [5, с. 550]; «Боец вооруженной оппозиции в войне в Афганистане» и «Об участнике вооруженной оппозиции в восточных республиках России и бывшего СССР» [23, с. 604]; энциклопедического описания – «Мусульмане, участвующие в войнах называются муджахидами» [1, с. 198]. В значении наименования *муджахид* выделяются следующие семантические компоненты: 1) «Деятель», 2) «Мусульманин», 3) «Война», 4) «Оружие», 5) «Организация; формирование», 6) «Органы государственного управления, правительство». При очевидности оснований для выделения первых четырех сем, пятая и шестая требуют пояснения. Такие семантические признаки как «социальные, национально-освободительные, религиозные движения и войны», «оппозиция» подразумевают противопоставленность агенса и пациенса или бенефактива/малефактива (см. ниже диктумную характеристику). Подобный объект действия конкретизируется содержанием семантического компонента «Оппозиция»: «Собир. политическая или общественная организация, общественная группировка, проводящие политику противодействия официальному курсу властей» [23, с. 687], где «Власти» понимаются как «Органы государственного управления, правительство» [22, с. 184]. Кроме того компонент «Оппозиция» реализует сему «Организация; формирование».

Муджахид может обладать статусом рядового муджахид, который является неким образцом для подражания (*«Муджахиды Узбекистана КРАСАВЦЫ!!!»* [13]), амира – военно-политического руководителя (*«Специальное Заявление Амира Имарата Кавказ Докку Абу Усмана»* [14]), шейха – исламского учителя, духовного наставника (*«Обращение шейха Саида Бурятского к мусульманам села Гимры (вилайят Дагестан)»* [14]).

4. Представление автора об адресате, или образ адресата.

Автор джихадистского текста ожидает адресата в образе мусульманина. В целом, пресуппозиция джихадистского текста, определяемая его идеологическим типом, диктует неизменный образ реципиента, ищущего в джихаде способ достижения определенного религиозного идеала.

5. Диктумная характеристика.

Для теории уголовного права при рассмотрении понятия «джихад» как одного из террористических действий важно, что это событие воспринимается формой вооруженного противостояния легальным, официальным государственным структурам, прежде всего вооруженным силам, специальным службам определенных государств. То есть термин *джихад* есть экспликация преступлений террористической направленности, которые в законе определяются как террористический акт – ст. 205 УК РФ или организация незаконного вооруженного формирования, участие в нем – ст. 208 УК РФ [26]. Таким образом, пропозициональное содержание джихадистского текста организует описание события, которое логическими средствами определяется как осуществление террористического акта или вооруженной борьбы с органами государственного управления, правительством.

В описании джихада как события выделяются следующие обязательные семантические роли:

- агентс – *муджахид (моджахед), шахид*;
- сближающийся с ним бенефактив – обязательный актант, репрезентированный как мусульманин, нуждающийся в защите (ср. *«В этом письме я хочу в первую очередь обратиться к братьям-муджахидам и братьям, которые сегодня проживают на территории села Гимры. Последний год я знаю все события, все, что происходит на вашей территории: те зверства, тот беспредел, который сегодня кяфир чинит у вас, на вашей земле»* [14]);
- противостоящие агенту пациенс и малефактив, которые как правило получают экспликацию исламскими терминами, характеризующимися яркой негативной оценочностью: например, *кафир (кяфир)* в значении «Немусульманин» [12, с. 145] или *муртад* – «Вероотступник» [1]; *мунафик* – «Лицемер, который не являясь верующим, внешне показывает себя набожным мусульманином» [1] и др.).

Семантическая роль малефактива обычно реализуется маркерами политической коммуникации, прежде всего – именами политических деятелей, нередко в инвективном выражении (например, *«ваши Путин и его жена Рамзан Кадыров»* [15] или *«Рамзан Владимирович Кафыров»* [16]; часто в джихадистских текстах используются названия государственных органов, государств и т.п. (например, *«...29 марта в Москве были совершены два спецоперации по уничтожению кяфиров и по посылу приветов для ФСБ»* [16]).

В целом пропозициональное содержание джихадистского текста основывается на контрастивном [2, с. 455] противопоставлении актантов двух типов, различающихся признаком отношения к религии ислам: первый является мусульманином, второй – немусульманином. Подобное противопоставление обязательно сопровождается контрастивной оценкой [2, с. 463–464], реализуемой на уровне реакции и идентификации, способствующей формированию образов религиозного идеала (чаще – в образе муджахида или шахида) и религиозного врага (кафир). Для джихадистского текста как криминальной речевой формы контрастивность оценки обязательна.

6. Инвариант содержания.

Представляется, что единство содержания джихадистского текста как риторического жанрового макрообразования обеспечивает инвариант мотива. Под мотивом в настоящем исследовании понимается схематическое изложение элементов содержания произведения [31], или обобщение событий [20, с. 33].

В нашем случае мотив реализуется прежде всего в виде базисного отношения «джихад (действие) – муджахид (актант)», определяющего то или иное событие, в том числе его пространственно-временные параметры. Так, в содержательных структурах джихадистского текста событие «джихад» соотносится с важным по своему религиозному/политическому значению действием, имеющим определенный набор актантов, протекающим при определенных обстоятельствах:

- во-первых, событие «джихад» реализуется в обязательном пространстве – пространстве ислама. Данное место воспринимается неблагополучным, характеризуется бедствиями, несчастьями, преследующими мусульман, различного рода негативными воздействиями со стороны врагов ислама;
- во-вторых, событие «джихад» протекает в реальном времени. Джихадистский текст как криминальная форма нивелирует «вечное» время как замкнутое и завершенное время религиозных событий, создаваемое исламскими прецедентными текстами (цитатами Корана, хадисами), реализуя объективное время, соотносимое с окружающей действительностью в прошлом, настоящем или будущем, актуальное

для автора и адресата. В случае сохранения «вечного» времени джихадистский текст не может рассматриваться в качестве криминального [17].

Таким образом, инвариантом мотива джихадистского текста является реализация события «джихад» как средства избавления пространства ислама от негативного воздействия врагов ислама в актуальном для коммуникантов времени.

В качестве выразительного примера реализации этого содержательного инварианта может выступить следующий текст: *«О Величественный, Совершенный. О Аллах! Высочайший, Великий. Мы просим у Тебя чести и силы. Помоги муджахидам, которые сражаются на твоём пути. Тебе оповещаем о наших мучениях. Тебе оповещаем о жалобах, печали и угнетениях. <...> Тебе жалуемся о полных вражды, ненависти и несправедливости християн. <...> О Аллах! Обрушь свою силу на голову (верха) Америки, которая является центром куфра и смуты. О Аллах! Они зная о тебе, распространяют смуту на твоей земле Они убили рабов Твоих, и унизили твою религию. О Аллах! Ты Всесильный, Всезнающий. О Аллах! И накажи их мощью Своей! <...> О Аллах! Разбей их государство. О Аллах! Раздели их страны и разорви жестоко. <...> О Аллах! Даруй муджахедам стойкость. <...> О Аллах! Приведи их к вратам (свободы)» [13].*

Очевидно, что инвариант мотива джихадистского текста имеет свои частные реализации. Выделяются в целом традиционные для военных мотивов варианты, например: героическая гибель аканта (шахида) как способ достижения религиозного идеала и военная победа, часто гиперболизированная: *«Война уже шла 15 дней. Но противник не продвинулся ни на йоту. Он потерял убитыми около 1400 человек, несколько тысяч были ранены, были подбиты десятки единиц бронетехники, сбиты 2 вертолета и один истребитель-штурмовик. С нашей стороны шахидами – обитателями благословенного рая (если на то будет воля Аллаха) – стали 32 человека, из них 23 приезжих. Все они погибли смертью героев» [13].*

Джихадистский текст как гипержанр представляет собой парадигму риторических жанров, обладающих разнородной коммуникативной природой.

Наиболее общая градация джихадистских текстов основывается на признаке формальной принадлежности к религиозной или политической коммуникации. В данном случае учитывается презентация жанра в названии текста, например: книга как вероучительный жанр – *«Книга единобожия»* (автор Салих ибн Фавзан ал Фавзан), *«Книга джихада»* (автор Машари Аль-Ашвак ила Масари Аль-Ушаак), политическое обращение – *«Муджахиды Имарата Кавказ Вилаята Нохчийчоь. Обращение Амира»* [14], политическое заявление – *«Специальное Заявление Амира Имарата Кавказ Докку Абу Усмана»* [14].

Во внимание может приниматься композиционная структура. Так, жанр ряда джихадистских текстов определяется как литургическая проповедь (хутба) по ряду формальных признаков, характеризующих их структуру [24, с. 159]. К такой традиционной форме религиозной коммуникации относятся, например, текст Саида Бурятского *«Саид Абу Саад ОТВЕТ КРИТИКАМ»* [16], который начинается цитатами Корана, а после восклицания «wa ba'd» продолжается рассуждениями о духовных ценностях, хадже и религиозных обязанностях мусульманина, в число которых входит участие в джихаде или активная помощь муджахидам.

Описание жанровых разновидностей джихадистского текста возможно и на основе их интенциональных установок: например, призыв – *«Призываем всех мусульман Кавказа, которые не могут выйти на джихад на Кавказе, приехать в страны Сирии, Шама, ишиааллах, и страдать здесь на пути Аллаха»* [15]; ответ – *«Мне поступили три вопроса, на которые братья просили ответить, ишиааллах, с помощью Аллаха»* [16]; угроза-обещание – *«Я поэтому вам обещаю, что война придет на ва-*

ии улицы, иншааллах, и что вы его ощутите на собственных жизнях, на собственных шкурах. Аллаху Акбар» [16]; молюба (дуа) – «О Аллах мы взываем к Тебе Твоими 99 прекраснейшими именами – помоги нам жестоко покарать твоих врагов нашими же руками на этом свете» [13] и т.п.

Выводы

Так или иначе, джихадистским текстом признается парадигма обращенных к мусульманам от лица муджахида риторических жанров, выражающих джихадистский идеологический тип, направленный на формирование убеждения в правильности джихада как события или на побуждение участвовать в джихаде как событии, воплощающих содержательный инвариант, который составляет реализация события «джихад» в качестве средства избавления пространства ислама от негативного воздействия врагов ислама в актуальном для коммуникантов времени.

Литература

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. Ансар, 2007. URL: <http://slovar-islam.ru/index.html> (дата обращения: 19.04.2017).
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007. 592 с.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 159–206.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
6. Вежицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (дата обращения: 04.04.2017).
7. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом осмыслении // Юрислингвистика–1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.
8. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №1 (76). С. 106–112.
9. Гончарова Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы // Studia linguistica. Вып. 10. СПб., 2000. С. 120–130.
10. Дементьев В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-3> (дата обращения: 06.06.2017).
11. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998. 107 с.
12. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. 315 с.
13. Материалы уголовного дела № 13000005, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2014.
14. Материалы уголовного дела № 15000052, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2016.
15. Материалы уголовного дела № 16000054, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2016.
16. Материалы уголовного дела № 1707190001000007, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2017.
17. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // СПС Консультант Плюс.
18. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генеристика // Жанры речи. Вып. 6. Саратов, 2009. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6> (дата обращения: 24.05.2017).
19. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 320 с.

20. Силантьев И.В. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск, 2002. С. 32–60.
21. Сиротина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2> (дата обращения: 04.04.2017).
22. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985–1988.
23. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2008. 1136 с.
24. Тышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 158–164.
25. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (дата обращения: 04.04.2017).
26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // СПС Консультант Плюс.
27. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. 216 с.
28. Чернышова Т.В. Негативная оценочность как фактор снижения статуса оппонента в сфере публичной коммуникации (на материале СМИ и социальных сетей) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 года). В 4 т. Т. 1. СПб., 2014. С. 200–205.
29. Чернышова Т.В. Дискредитирующие речевые жанры в медиадискурсе: разнообразие наполнения жанровых форм // Медиалингвистика. 2014. Т. 3. С. 116–120.
30. Чернышова Т.В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014. № 1. С. 31–39.
31. Чудаков А. П. Мотив // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962–1978. Т. 4. 1967. С. 995.
32. Miller C.R. Genres as social action // Quarterly Journal of speech. Vol. 70. 1984. pp. 151–167.

References

1. Ali-zade A. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar* [Islamic encyclopedia]. Ansar, 2007. Available at: <http://slovar-islam.ru/index.html> (accessed 19 april 2017).
2. Baranov A.N. *Lingvisticheskaia ekspertiza teksta: Teoriia i praktika* [Linguistic expertize of the text: Theory and practice]. Moscow, 2007. 592 p.
3. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. *Sobranie sochine-nii* [Collected works]. Moscow, 1996, Vol. 5, pp. 159–206.
4. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 424 p.
5. *Bolshoi tolkovyi slovar» russkogo iazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. St.-Petersburg, 2000. 1536 p.
6. Vezhbitskaia A. Rechevyie zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 1. Saratov, 1997. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (accessed 04 april 2017).
7. Golev N.D. Iuridicheskii aspekt iazyika v lingvisticheskom osmyislenii [The legal aspect of language in linguistic comprehension]. *Iurislingvistika-1. Problemy i perspektivy* [Jurilinguistic-1. Problems and prospects]. Barnaul, 1999, pp. 11–58.
8. Golikov L.M. Opravdanie terrorizma kak rechevoe deystvie [The justification of terrorism as the speech act]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2017, no. 1 (76), pp.106–112. doi: 10.23859/1994-0637-2017-1-76-15.

9. Goncharova E.A. Persuazivnost i sposoby ee iazyikovoi realizatsii v diskurse reklamy [Persuasiveness and methods of its linguistic realization in the discourse of advertising]. *Studia linguistica*. Issue 10. St.-Petersburg, 2000, pp. 120 – 130.
10. Dementev V.V. Kommunikativnaia genristika: rechevyie zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsialnogo vzaimodeystviia [Communication genristic: speech genres as a means of formalizing social interaction]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 3. Saratov, 2002. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-3> (accessed 06.06.2017).
11. Dementev V.V., Sedov K.F. *Sotsiopragmaticheskii aspekt teorii rechevyih zhanrov* [Sociopragmatics aspect of the theory of speech genres]. Saratov, 1998. 107 p.
12. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar* [Islam. Encyclopedic dictionary]. Moscow, 1991. 315 p.
13. *Materialy ugovornogo dela № 13000005, UFSB Rossii po Vologodskoy oblasti* [The file of the criminal case № 13000005, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2014.
14. *Materialy ugovornogo dela № 15000052, UFSB Rossii po Vologodskoy oblasti* [The file of the criminal case № 15000052, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2016.
15. *Materialy ugovornogo dela № 16000054, UFSB Rossii po Vologodskoy oblasti* [The file of the criminal case № 16000054, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2016.
16. *Materialy ugovornogo dela № 1707190001000007, UFSB Rossii po Vologodskoy oblasti* [The file of the criminal case № 1707190001000007, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2017.
17. O protivodeystvii ekstremistskoi deiatelnosti: Federalnyi zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ (red. ot 23.11.2015) [On combating extremist activities: Federal law dated 25.07.2002 № 35-FZ (in the version of 23.11.2015)]. *SPS KonsultantPlus* [reference legal system Consultant plus].
18. Sedov K.F. Iazyikoznanie. Rechevedenie. Genristika [Linguistics. Speech study. Genristic]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 6. Saratov, 2009. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-6> (accessed 24.05.2017).
19. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost: evoliutsiia kommunikativnoi kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. Moscow, 2004. 320 p.
20. Silantev I.V. Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. Issue 5. Novosibirsk, 2002, pp. 32 – 60.
21. Sirotina O.B. Nekotorye razmyshleniia po povodu terminov «rechevoy zhanr» i «ritoricheskii zhanr» [Some reflections on the terms «speech genre» and «rhetorical genre»]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 2. Saratov, 1999. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-2> (accessed 24.05.2017).
22. *Slovar russkogo iazyika: V 4 t.* [Russian language dictionary: in 4 vol.]. Moscow, 1985 – 1988.
23. *Tolkovyi slovar russkogo iazyika nachala XXI veka. Aktualnaia leksika* [Explanatory dictionary of Russian language of the early twenty-first century. Aktual vocabulary]. Moscow, 2008. 1136 p.
24. Tyishinskii M. Dzhihadistskaia propaganda v Internetе i sotsialnykh media [Jihadist propaganda on the Internet and social media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2016, no. 5 (59), pp. 158–164.
25. Shmeleva T.V. Model rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 1. Saratov, 1997. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (accessed 24.05.2017).
26. Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 06.07.2016 g.) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (in the version of 06.07.2016)]. *SPS Konsultant Plus* [reference legal system Consultant plus].
27. Formanovskaia N.I. *Rechevoe obschenie: kommunikativno-pragmaticheskii podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow, 2002. 216 p.
28. Chernyishova T.V. Negativnaia otsenochnost kak faktor snizheniia statusa opponenta v sfere publichnoy kommunikatsii (na materiale SMI i sotsialnykh setey) [Negative evaluation as a factor of reducing the status of the opponent in the sphere of social communication (evidence from the mass media and social networks)]. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii: Materialy IV Kongressa «ROPRIaL», prohodiashego v ramkakh I Pedagogicheskogo foruma*

«*Russkii iazyk v sovremennoy shkole*» [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia: proceedings of the IV Congress "ROPRIaL" held in the framework of the Pedagogical forum "Russian language in the modern school" In 4 vol. St.-Petersburg, 2014, Vol. 1, pp. 200–205.

29. Chernyishova T.V. Diskreditiruiuschie rechevyie zhanry v mediadiskurse: raznoobrazie napolneniia zhanrovyyh form [Defamatory speech genres in media discourse: a variety of filling genre forms]. *Medialingvistika* [Media linguistics]. 2014, Vol. 3, pp. 116–120.

30. Chernyishova T.V. Tipologicheskie priznaki rechevogo zhanra diskreditatsii v mediadiskurse [Typological features of a speech genre discredit in the media discourse]. *Filologiya i chelovek* [Philology and the man], 2014, no. 1, pp. 31–39.

31. Chudakov A.P. Motiv [Motive]. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Concise literary encyclopedia]. Moscow, 1962 – 1978, Vol. 4, 1967, pp. 995.

32. Miller C.R. Genres as social action. *Quarterly Journal of speech*. Vol. 70, 1984, pp. 151–167.

Голиков Л.М. Жанровое определение джихадистского текста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №5(80). С. 86–94.

For citation: Golikov L.M. Genre definition of jihadist text. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 5 (80), pp. 86–94.